

Стеклянный бриз «Альбатроса»

На старом паруснике «Альбатрос», давно и навсегда вмерзшем в гранит городской набережной, жил сторожем дед Матвей. Когда-то «Альбатрос» бороздил моря, а теперь в его трюме был музей старинных компасов и морских узлов. Но Лёшка знал – корабль навсегда остался кораблём. Он чуял его дыхание, солёное и горькое, даже в самую безветренную погоду.

Лёшка приходил сюда каждый день после школы. Он садился на корму, свешивал ноги над каменными плитами, заменявшими воду, и смотрел на залив. Паруса «Альбатроса» были убраны, но мальчишке иногда казалось, что они наполняются невидимым ветром, и тогда самые смелые чайки садились на реи, словно ожидая команды.

В тот день всё было иначе. Воздух звенел, как натянутая струна, а чайки метались в небе беспокойно и немо. Лёшка, как обычно, устроился на своём месте, доставая бутерброд, когда услышал за спиной сдержанные рыдания.

В тени капитанского мостика, прижавшись к потемневшему от времени борту, сидела девочка. Она была худая, в потёртой ветровке, а её лицо скрывала прядь чёрных, непослушных волос. Но в руках она сжимала нечто удивительное – маленький кораблик, вырезанный, казалось, из цельного куска синего стекла. Он так искусно повторял формы «Альбатроса», что казался его точной, волшебной копией.

— Эй, — осторожно сказал Лёшка. — Ты чего?

Девочка вздрогнула и попыталась спрятать кораблик, но было поздно.

— Уходи, — прошептала она хрипло.

— Это твой? — Лёшка не уходил. Он присел рядом. — Красивый.

Они молча смотрели на залив. Тишину нарушал только далёкий гудок парома.

— Меня зовут Лёшка. Я тут... за старшего.

— Яра, — после паузы ответила девочка. — Мы вчера переехали. В тот серый дом, видишь? — Она мотнула головой в сторону безликой новостройки. — Отец опять ушёл в море. На год. А мама... мама всегда работает.

В её голосе была такая тоска, что Лёшку сковало ощущение ледяной глыбы под сердцем. Он понимал это чувство. Его отец, лёгчик, тоже часто уезжал, оставляя после себя пустоту, которую не заполнить ни книгами, ни одинокими играми.

— А кораблик? — спросил он.

Яра разжала ладонь. Стекланный бриг казался живым, в его глубине плескался застывший свет.

— Его мне подарил дед. Перед тем, как... — она не договорила. — Он сказал, что этот кораблик чувствует ветер. Настоящий ветер. Но здесь его нет. Здесь только сильный запах от машин и пыль.

Лёшка внимательно посмотрел на «Альбатрос», на Яру, на хрупкий стекланный бриг в её руке. И вдруг...его осенило. То самое чувство, которое часто посещало его в самые важные моменты, — чувство Правильного Пути.

— Он ошибается, — твёрдо сказал Лёшка. — Ветер здесь есть. Просто он спит. Его нужно разбудить.

Он встал и протянул Яре руку.

— Пойдём.

Она недоверчиво посмотрела на него, но её пальцы сжали стекланный кораблик так, что костяшки побелели. Лёшка повёл её по палубе, скрипящей под ногами, как живая,... к самой высокой точке кормы.

— Капитан «Альбатроса» верил, — начал Лёшка, сочиняя на ходу, но верил каждому своему слову, — что у каждого корабля есть сердце. И оно бьётся в такт с сердцем того, кто в него верит... Дай сюда...

Он взял у неё стеклянный бриг. Он был на удивление тёплым.

— Нужно поставить его туда, откуда должен прийти ветер. И подумать о самом главном. О чём-то, ради чего стоит плыть.

Яра закрыла глаза. Лёшка видел, как дрожат её ресницы. Он сам думал о бескрайнем синем просторе, о криках чаек, о солёных брызгах в лицо и о том, как здорово, когда у тебя есть друг, который понимает тебя без слов.

Он поднял кораблик высоко над головой.

И тут случилось чудо...

Сначала это был лишь лёгкий шепот. Шелест старого тента над люком. Потом зазвенели на ветру обрывки такелажа. И вдруг могучий порыв, пахнущий йодом, водорослями и дальними странами, рванул с залива. Он врезался в борт «Альбатроса», завыл в его снастях, поднял с палубы вихрь из пыли и прошлогодних листьев.

Лёшка едва удержал стеклянный кораблик. Но он не упал. Напротив, он словно стал легче. А внутри него, в самой его стеклянной сердцевине, вспыхнул и заиграл крошечный сапфировый огонёк.

Яра вскрикнула и открыла глаза. Они были широкие, тёмные, и в них не было больше слёз. Только отражение бури и удивление.

— Ветер! — крикнула она. — Это же ветер!

Она смеялась, а ветер трепал её чёрные волосы, и она была похожа на юнгу, застигнутого штормом в самом счастливом его моменте.

— Видишь? — Лёшка, сам потрясённый до глубины души, протянул ей кораблик. — Он просто ждал тебя. «Альбатрос» ждал...

Они просидели на корме до самого вечера, пока ветер не стих, превратившись в ласковый, тёплый бриз. Огонёк внутри стеклянного брига погас, но он по-прежнему был тёплым и живым в руках у Яры.

— Он ушёл? — тихо спросила она.

— Нет, — ответил Лёшка. — Он просто заснул. Чтобы набраться сил. Он всегда будет возвращаться. Стоит только позвать.

Когда Яра уходила, дед Матвей вышел из каюты и, прищурившись, посмотрел ей вслед.

— Кого это ты нашёл, командир? — спросил он у Лёшки.

— Друга, — просто ответил Лёшка.

Дед кивнул, доставая свою вечную трубку.

— Корабли без друзей долго не живут. Даже на приколе. Завтра приходи, поможешь новые флаги поднять. Пора.

Лёшка смотрел, как Яра, прижимая к груди стеклянный бриг, шла по набережной. Она уже не горбилась и не прятала лицо. Она шла, как заправский моряк, чувствуя под ногами палубу, а не асфальт...

Он знал, что завтра они снова придут на «Альбатрос». Будут мечтать, смотреть на горизонт и ждать нового ветра. Потому что теперь они были не просто Лёшкой и Ярой. Они были... экипажем. А у экипажа, даже если его корабль вмёрз в камень, всегда есть дело...

Им предстояло беречь ветер, беречь море в стеклянном кораблике и друг друга... И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя по-настоящему свободными.